

АННА ФУРМАН

*Любовь и смерть
в Ляояне*

Анна Фурман
Любовь и смерть в Ляояне

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68875998

SelfPub; 2023

Аннотация

История любви русского солдата и юной ведьмы во времена русско-японской войны.

Анна Фурман

Любовь и смерть в Ляояне

– Смотри, какую вещицу раздобыл! – Семёныч залез в карман и извлёк оттуда монету. Повертел в чахлом вечернем свете – она была серебряной и чуть толще обычной – и, поставив на ребро, крутанул.

– Диво, и правда диво! – восхитился Иван Ильич. Монета с минуту вращалась, как детский волчок, а после замерла, не падая: ни тебе орёл, ни решка.

– Да ты погляди, как сделано!

Иван Ильич подцепил монету непослушными пальцами, разглядывая иероглиф с одной стороны и цветущую сакуру с другой.

– Где ты взял такую?..

– А это товарищ давний, Марв, прислал мне из самой Англии, – Семёныч горделиво вскинул голову. – Лавка там есть одна, где этой всячины – завались. А хозяйка в ней – японка.

Иван Ильич порывисто вздохнул. Что-то в его лице изменилось, будто злые тени легли на лоб и щёки: подбородок мелко задрожал, а в уголках глаз собрались редкие старческие слёзы.

– А ведь верно... Ты говорил, была у тебя одна, – вспомнил Семёныч. – Как бишь её звали?

Иван Ильич промокнул глаза рукавом:

– Мэй. – Он поднял крышку заварника и принялся – чай был готов.

Иван Ильич разлил его в стаканы, протянул один Семёнычу, и пока тот восторгался цветом и запахом, снова крутанул чудную монету. Брызги декабрьского солнца принялись резвиться на её боках, отражаясь в гранёном стекле и зелёном чае. Иван Ильич опустил плечи, с головой уходя в толщу воспоминаний, и тихо, но уверенно заговорил...

***

Мы тогда стояли недалеко от Порт-Артура, а как япошки его осадили, нас кинули в Ляоян. Ох и грязи было в то лето! Дожди зарядили будь здоров, а нам и на руку. Устроились в засаде и стали поджидать – добраться до нас они не могут, а мы знай себе окопы роем да местность обследуем, готовимся к бою, стало быть. Там я её и встретил.

Дядька её держал аптеку с травами и снадобьями. Сам-то он был из местных, а брат его на японке женился. Да только жили они бедно, вот дочку старшую к родственникам и спровадили. Кто ж знал, что война в те места явится.

Мэй. Только так её никто кроме меня не звал. Мэй-сан, по их, стало быть, с уважением. Дядька немного по-русски говорил и рассказал, что Мэй, вроде как, ведьмой считалась. Однажды, мол, когда ещё малая была, прогнала из родной деревни ёкая – злого духа. Уж ведьма, не ведьма, а что красивая была – это точно.

Глаза бездонные – два колодца среди ночи – глянешь, а там вода на глубине плещется, блестит при луне, и чувствуешь, как прохладой веет в разгар летнего жара. И волосы чёрные, будто дёготь. Длинные такие и сияют, что рыба чешуя на солнце. А голос какой! Правда, по-нашему она совсем ни могла, только и знала, что имя моё. Иван, говорит, смешно так, и ударение на «и».

Хорошо нам с ней было. Вечерами сбегали оба – она от дядьки, я из лагеря. Была там неподалёку хибара брошенная с дырявой крышей, вот в ней и прятались. Я китель на доски постелю, чтоб помягче было, и ляжем, прижмёмся друг к другу. Она на небо показывает и лопочет что-то на своём, а я слушаю и киваю нет-нет, будто вправду понимаю. И вся усталость за день как в землю уйдёт, когда рядом Мэй. На небе звезда замрёт, точнёхонько над дырой в крыше, и ветер травинки не шелохнёт, и дождь прекратится, будто заговорённый. Я волосы её глажу, мягкие, что перина дома у ма-тушки, – не по моим грубым рукам. А она всё ближе и ближе ко мне под бок. Иван, говорит, «ватаси но Иван». Я потом узнал, что это «мой» по-японски.

Но недолго счастье длилось. Как дожди прошли и земля просохла, так гости к нам нагрянули. Я её дядьку упрашивал бежать, пока не поздно, но он на своём стоял. Мы, говорит, здесь всегда жили и жить будем. Госпиталь, говорит, откроем, чтобы раненым помогать.

Мы с Мэй и проститься толком не успели. Лишь раз слёзы

в её глазах видел, будто знала, что расстанемся вскоре. Уж я ту ночь до смерти помнить буду. И поцелуй наш прощальный.

Дальше все дни у меня смешались, вздохнуть некогда, только и успел винтовку свою схватить. А она новенькая была, такие не каждому давали. Уж я её берёг пуще самого себя. Бывало, чищу сижую, пока всё стихнет, поглядываю на бок блестящий да всё Мэй вспоминаю. Уж как она там, жива ли, нет, только образ её душу и греет. А кругом грязь, пыль, стоны, и хоть небо над головой – вот оно, – а звёзд не видно, точно не было их никогда.

А потом снаряд в наш окоп прилетел. Свист помню, и как земля подскочила, будто кто её вверх подбросил, а больше ничего. Тишина дальше и темнота, точно в домовину угодил.

Очнулся, думаю, живой. Голова трещит, уши заложило, что ваты натолкали, но ни взрывов, ни криков, одно только издали доносится, будто и не по-настоящему: «Иван, вата-си но Иван». Уж как она меня нашла, не знаю! Я глаза-то открыл – и правда, моя Мэй! Склонилась низко, лопочет-лопочет, лицо сажей перепачкано и волосы дивные отрезала, кепчонку свою мне под голову суёт.

Я по сторонам-то посмотрел: нет никого, одна пыль вверх поднимается, – винтовку сильнее к груди прижал, мало ли, а Мэй всё суетится. И тут я прислушался. Говорит-то она по-своему, а я будто понимаю. Чудеса да и только! «Иван мой, Иван, сейчас я тебя подлатаю. Ты лежи, не шевелись. Бедный

мой». И правда, чувствую, придавило к земле, в ногах холод, живот болит и винтовка от крови липкая.

Вдруг вижу: тень по небу ползёт, огромная, точно гора на-двигается, того и гляди упадёт, раздавит. Я из последних сил Мэй кричу: «Беги!», а она, бесстрашная, встала, вся распрямилась и ждёт. А как тенью совсем нас накрыло, так достала из-за пояса монету, маленькую медную, и говорит:

– Я хочу купить время.

Тогда тень стала съёживаться, на землю опускаться. Тут и пыль замерла прямо в воздухе, и ветер стих. Раз – и вместо тени уже фигура стоит: высокая, тощая, с ног до головы в рванину завёрнута. Руки из-под рванины торчат – бледные, пальцы цепкие, точно молодые веточки у берёзки. Я хотел было на прицел взять, а пошевелиться-то не могу, лежу: за спиной земля, в руках винтовка, одни глаза и бегают.

– Время, говоришь? – Голос у этой тени, как утро в лесу: речка вдалеке журчит, соловьи чирикают и ветер с листвой играет, – но не поймёшь, мужской он или женский. – Время за время продам.

– Возьми моё, – отвечает Мэй. А тень ей:

– У тебя много, знаю. Но твоё ценно миру.

– Возьми, молю! Пусть он живёт!

Я сначала не понял, о чём они толкуют, а потом сообразил. Закричать хотел, мол, не надо, Мэй, не надо мне времени, лучше сама живи, но и рта раскрыть не смог, будто и правда в безвременье угодил. И тут тень ко мне лицом повернулась.

Капюшон с головы откинула: волосы белые-белые и холодом светятся, точно луна в марте. Глазища огромные, смотрит, и будто всю твою жизнь видит, ничего не утаишь. Склонилась надо мною, а пахнет от неё морем, как оно есть: солью и водорослями.

– Дело твоё, – говорит, и через миг уже возле Мэй стоит, костлявые пальцы к монете тянет. – Но меня обмануть не удастся.

И только это сказала, забрала монету и снова тенью обернулась. И тут я слышу, как Мэй вскрикнула. Гляжу на неё, а она прямо на глазах меняется: кожа потемнела, морщинами покрываться стала, лицо высохло, будто виноград на солнце, руки скрючились по-старчески, и спина к земле гнётся. И уже через миг стоит передо мной не моя Мэй, а настоящая старуха. Всё, что от неё прежней осталось, – волосы чёрные да глаза. Подошла ко мне, смотрит, и я на неё смотрю, что сказать не знаю. Она тогда на колени рядом опустилась, руку мою взяла, говорит: «Ватаси но Иван. Живи с умом». Я потянулся было к ней, как оцепенение спало, а уж исчезло всё. И Мэй, и тишина вокруг.

Очнулся в госпитале. Чудом уцелел, только контузило сильно, шрам на животе остался, видать, от осколка, да винтовка моя куда-то пропала. И Мэй я больше не видел. Говорили, аптеку японцы сожгли за то, что хозяин помогал всем без разбору, а его самого повесили. Но никакой девчонки-племянницы там не было, одна старуха над пеплом пла-

кала. Вот и не знаю, чему верить, а чему нет. То ли приснилось мне всё, то ли и вправду было, а я с тех пор ещё две войны пережил: в тылу трудился, оружия в руки не брал – не мне жизни отнимать, не мне время тратить, что Мэй для меня за медячок купила.

***

Иван Ильич замолчал и залпом допил чай. Монета на столе давно перестала крутиться и теперь стояла ребром, купаясь в электрическом свете лампочки. Маленькая кухонька в нём казалась осиротевшей: краска на стенах давно потрескалась, заиндевевшее окно было «раздетым» без занавесок и украшений, на подоконнике лежал потрёпанный томик «Цусимы». Ничто в этой комнате не знало женской руки.

– Ты потому и не женился? – спросил, наконец, нарушив тишину, Семёныч.

– Скажешь, смешно, а ни с кем больше такой любви не было. Всё ей отдал, – ответил Иван Ильич.

– Ты, если хочешь, монету мою возьми. – Семёныч протянул её другу. – Пусть будет на память.

– Спасибо за добро, но нет. Чего душу бередить. Вся память и так при мне.

Колючий ветер ворвался в форточку, обещая метель. На мгновенье Ивану Ильичу почудилось, что в воздухе пахнет морем: морем, как оно есть, – солью и водорослями. Он усмехнулся себе под нос и закрыл глаза, вдыхая полной грудью.

***

Иван шёл по незнакомому городу, больше не ощущая на плечах тяжести прошлого. В воздухе кружились маленькие снежные паучки. Они поднимались с земли, влекомые ветром, и неслись в небо – ясное, полное холодных звёзд. С одной стороны улицы сверкало обледеневшее озеро, с другой – мирно спали двухэтажные домики с цветными вывесками и чудными флюгерами на крышах. Из окон на Ивана смотрела чернильная темнота, и только в одном ярко горел свет.

Иван подошёл ближе и прочёл вывеску, узнавая смысл в иностранных буквах, – «Лавка сувенирного хлама». Он поднялся на крыльцо и толкнул дверь, украшенную венком из листьев и красных ягод.

Внутри было жарко. В очаге приветливо суетился огонь, а на полках поблескивали сотни безделушек: целые города, заключенные в стеклянные шары, резные шкатулки, ключи и монеты – всего не перечесть. Иван поднял глаза, разглядывая диковинные сувениры, как вдруг увидел на стене, прямо за стойкой, старую винтовку «Мосинку» – точь-в-точь такую, какая была у него.

– Я ждала тебя.

Иван обернулся и замер на месте – перед ним стояла Мэй. Его Мэй. Юная и прекрасная, будто не было всех этих лет, будто не было встречи с тенью при Ляояне. Она говорила по-японски, но Иван понимал каждое слово.

Мэй подошла ближе, и он протянул руку, касаясь родного

лица.

– Я такая, какой ты меня запомнил. И за это тебе спасибо.

– Мэй... – только и смог произнести Иван, не узнавая собственный голос – из дребезжащего старческого он снова стал звонким и молодым. – Мэй-сан.

Она улыбнулась, как всегда улыбалась только ему. Свет огня искрами рассыпался по её волосам.

– Значит, моё время кончилось, – сказал Иван, улыбаясь в ответ. Он совсем не боялся этого, напротив, ждал, затаив у самого сердца мысль о неизбежной встрече с любовью по ту сторону жизни.

– Я купила тебе ещё пару часов, ватаси но Иван. – Не торя ни секунды, Мэй бросилась в объятия спасённого ей возлюбленного.

Снежинки за окном завели радостный хоровод, и будто по волшебству вдоль улицы разом зажглись фонари. Мимо «Лавки сувенирного хлама» в маленьком, запорошенном метелью английском городке, игриво подбрасывая медячок, прошла милосердная Смерть.